

**ПОБЕДА
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ -
ВЕЛИЧАЙШИЙ НАРОДНЫЙ ПОДВИГ**

Победа в Великой Отечественной войне – величайший народный подвиг: Материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне (18-19 апреля 2005 г.). Псков. 2005. 280 с.

Редакционная коллегия:

А.А.Андреев, В.А.Дмитриев, В.Н.Лещиков, С.В.Лукиянова, А.Г.Разумовская, А.В.Филимонов (отв. редактор), Л.А.Холод

Технический редактор А.А.Кирсанов

В сборнике представлены тексты докладов и сообщений научно-практической конференции, в которых освещаются эпизоды боевых действий 1941-1945 гг., вопросы народной войны в тылу вражеских войск, отражения событий войны в литературе и языке, обобщается опыт военно-патриотического воспитания школ, поисковых объединений и школьных музеев.

573431

ISBN 5-87854-360-5

© Псковский государственный педагогический университет им. С.М.Кирова (ПГПУ им. С.М.Кирова), 2005

Война и судьба русской народной речи (на примере псковских говоров)¹

Какими бы ни были достижения XX века в развитии диалектологии, не перестают волновать ученых и самих носителей народного языка судьбы говоров в зависимости от пережитой военной трагедии XX века. Война сдвинула людей, заставила их переселяться и на соседние русские территории с другими говорами, и на территории с другими языками вообще; возвращение в родные места бывало трагичным. Вольно или невольно все задумывались о судьбе родного языка. Покажем примеры.

Так, бабушка Марфа (Марфа Петровна Сидорова (1876-1959 гг.) из д. Ремда, Гдовского р-на, Псковской области), яркую речь которой прекрасно увесочил В.И. Трубинский в оригинальном учебном пособии по диалектологии — “Говорит бабушка Марфа, а мы комментируем”² [в дальнейшем примеры из этой книги сопровождаются указанием на страницу], вспоминает о трудностях жизни в войну, тем более, что людям пришлось переселяться: *В эту вайну ны были атступифшы, ф Палнафском районе жыли... Ны были выселены, большэ месица жыли в Вешках... Были фси убекшы в вайну, вёрс за семдесят...* (27-28). Понимали псковичи тяготы и тех, кто как беженцы пришли в псковские деревни: *А скока бежэцэф-та была в вайну, фсё большэ с-пад Линграда. Фсё иду, иду на диврени...* (27). Бабушка вместе со всеми перенесла трудности: *Ай бежэцэ горя-та навидали, бенны... И самы были атступифшы; дык тожэ на зени спали. Бежэцэам, брат, пацот маленький... Скату, фсё абабрали. Пришли абратна, дык анна баенка астафшы тока...* (27-28).

Смена людей в деревне неизбежна при военных потрясениях: *Там [в Вешках. — Л.К.] таперь-та нарот молодой. Е ль там хто старикоф аль нет... Таперь нарот-та тамацка збунтовафшы [“сбунтоваться” = перемешаться], анны суды, други — туды. Весь нарот пиримнифшы: малыды пириехали, старыи намёршы...* (28). От носителей местного говора — от людей старшего поколения, по словам бабушки Марфы, *жыхарей [= жителей] шэсь или сем, думаю, што столька, не большы...* (28). Трагично звучит рассказ о вымирании людей как о ре-

зультате пережитого: *Ф Падбаровыи [в дер. Подборовье] нашэй роды [= родни] нет, тожэ семья фся вымершы, фсё за еты годы...* (28). Семьи вымирали потому, что война прошла по жизням людей, и потому, что в условиях нового времени семьи объективно становились малочисленнее. Смена жителей в селе, в военные и послевоенные годы происходила вынужденно, но села еще не оставались пустыми, как это случилось в последующие десятилетия: *И в вайну и после вайны фсё взаменку менялися — то туды, то суды, то атступали, то прияжжэли. И в Омды [в дер. Омда] каторых знала, дак фси вымершы...* (28).

Вероятно, как новое слово, связанное с положением военного времени, звучало в речи бабушки Марфы *отступать*, а не раз повторенные *памёршы, вымершы* жестоко, но точно передали последствия военных дней.

Итак, меняется человек в зависимости от трагических обстоятельств, обогащается его языковой опыт в общении с псковичами из разных мест и с людьми из других регионов. А что происходит с языком? С народным языком?

Неизбежное обновление языка шло за счет прежде всего лексического состава. Война приносила свои слова, которые активно звучали (*бежэнец/бежэцы, отступить, шинель/шинели* и др.), а мирное время с новыми условиями жизни, с поступающими через радио сведениями — свои. Так, в рассказе о пьянице, который вместо отдачи долга *и теперь ведё [дрова]*, в речи бабушки Марфы звучит с возмущением: *Куды аны бесы тока деньги дяваю, што у нас заёмна касса?..* (29) наблюдается приспособление недиалектного, городского выражения *касса взаимопомощи* к наименованию в речи сельской жительницы — *заёмна касса*). Хотя бабушка Марфа говорит: *Ны [= мы] фсё равно мала понимаем... В радиви паинацы гаваря, дык ны и не понимаем...* — она живо воспроизводит сведения и об атомных бомбах (*Сёвонни на радиву а матавых [атомных] бонбах многа гаварили... Пра матавыи бонбы сминаю, а што к цыму — ня знаю...*), и о холодной войне (*Халонная вайна — я и ня знаю шо такое...*). Будто как безнадежность восприятия речи по радио (“чужой” речи!) звучит рефрен пожилой женщины: *Пакуль гаваря, патуль и помниш...* (30).

В сохранных записях, сделанных молодыми исследователями, бабушка Марфа, обнаружившая свой острый ум и яркую речь, предста-

да как человек, умеющий оценить и близкое для себя (непосредственную, окружающую жизнь), и важное для всей страны: *Караюцца фси, то протиф нас, то за нас...* (30).

Но типичные особенности речи (например, яркое твердое цоканье) продолжают отличать речь женщины старшего поколения (*Фсяк сваю нацыю имел...* (23) — о связи людей одного социального и профессионального уровня; *У фсякава свая нарецыя...* — эта мысль повторяется часто). В речи бабушки Марфы всепобеждающее цоканье, только при редком проявлении звука [ч] (*Чатыри сястры были здесь, жыли...* — 19; *Вить свет-та не таперь начомшы...* — 30). Этой чертой речь Марфы Петровны отличается от речи ее мужа Филиппа Сидоровича, который не цокает: *вечэр, ничэво* (31). У бабушки Марфы отмечено и [к] вместо [ч] (*жсалаванье палукае* — 31), и [кв] вместо [цв] при “несвершении” второй палатализации заднеязычных согласных: *Яблани не квители в этак гот... Яблани висной квитя... Нынец нимнога была квету... Яблани были как аблитыи кветам...* (34); *В угурцах пустаквета нынец многа, квяты йе, а пад ним угурецак нет...* (35).

Внимательный, профессиональный взгляд лингвиста сумел навсегда сохранить и донести (в записях!) до читателей много ярких черт говора одного человека, который при сохранении основных особенностей своей речи, несмотря на пережитые военные катаклизмы, явился образцовым носителем одного из псковских говоров. Это служит примером того, как прочны корни родного языка, если человек одарен в языковом отношении, живет судьбами родного края и его носителей: некоторые отклонения от естественного функционирования родной речи не всегда способны разрушить диалектный статус индивидуальной языковой личности. С каким удовольствием бабушка Марфа советует диалектологам: *Записываити, а кто гаратской да ня знафшы, ни ведафшы, так ы пасмеётса...* (10); реагирует на отличную от принятой в деревне особенность в речи одной девушки: *У фсякава свая нарецыя, фкрук анной дефки смяялись. Што ни скажэ — фсе на “чы”*; далее следует даже некоторое сочувствие по поводу того, что говорит она не так, как все: *Ёна красивая така была, вёрткая. И фсе на “чы”...* (11).

Есть у бабушки Марфы и осуждающая оценка, если человек под влиянием новых условий жизни, попав в родную деревню, старается говорить по-новому: *А анна пажыла в горади, вышэцы за ваеннава была, дык как-та была приехафшы, видит скатина-та гоницца: «Мама, а мама, эта што за скатина с рагами?»* (собиратели подчеркивают:

“Особый акцент М.П. сделала на последнем слове. <...> с едкой насмешкой произнесла окончание —ами...” (12). Сам диалектоноситель верно объясняет, почему могут измениться и слова, и звуковой облик речи, — под влиянием другой языковой обстановки: *Раньшы гаварили старики: “ухафшы ф поле арать”... А с салдат придут — тыи ужэ “пахать” гаварят. Тыи начыкафшы, навырефшы, науцыфшы ат нацальсва... В армии можна быстра навыреть, начыкаться, ф казармах фсе на «чы”...* (11).

Противопоставление “свое” — “чужое” проходит через оценку языковых черт односельчан, но, зная и понимая другую систему, бабушка Марфа в речи прочно держится “своего”, даже если не всегда приходится его употреблять: *Гот ыль два не гаварили, а пришлось кстати — и скажэши...* (11-12). Владение общерусским и местным, умение “кстати” выбрать подходящее отличает Марфу Петровну как прекрасного знатока своего говора: *А вот нагам болька... Сама-та ходиш — гавариш “болька”, а пакажэши дастарам — скажэши “больна”...* (11).

На примере речи Марфы Петровны можно было бы составить представление о том, насколько устойчивы диалектные черты в речи сельских жителей.

Люди старшего поколения, выросшие на речевой культуре местных говоров, поскольку родились в XIX веке, выработали устойчивость по отношению к инородным влияниям. Так, диалектоносители из д. Городно, Дедовичского р-на, были 1876, 1868 годов рождения, прекрасно владели народной речью, но в 1959 году не цокали (*Харош чирканьчяк. Нынча пякли бабашки, бабахи.*), в то время как в тетравах, отражающих записи 1959 года, постоянно встречаются случаи с цоканьем в разных местах: и в Палкинском р-не (*Я хацу калицынки. Ёду нониц цэным мылатить. Цэриссядельник нада смянитить.*), и в Псковском р-не даже в фольклорном тексте (*Поеду во Китай-город квити, цаво нада жсаны закупати.*), и во многих других. Записывая в 1959 году речь жителей в деревнях Релка, Лешино, Прутково, Дедовичского р-на, в самом поселке Дедовичи, собирательница подчеркивала, что наиболее сохранился говор в д. Лешино, где остались местные старики, а в других деревнях население сменилось очень резко из-за переезда из разных других деревень.

Собиратели в Карамышевском р-не в 1959 году отмечали, что война трагично прошла по судьбам людей и населенных пунктов: “Край был оживленным”, а теперь — “много деревень, от которых ос-

тались одни названия" (д. Коконогово), "Деревня была большая, но теперь в ней 4 домика, так как немцы при отступлении все дома сожгли. И людей" (д. Большие Пищевцы). Значит, перемешались жители и этой деревни, и других. И люди теперь не цокают, отмечает собиратель П. Бережная, студентка-заочница: ее отцу 63 года, он знает диалектные слова, но уже часто говорит без цоканья; бабушка же цокала.

Представители же более молодого послевоенного поколения уже в 1959 году не очень заботились о том, чтобы "хранить верность" говору своих предков, когда вокруг активно проявляется влияние многих современных факторов. Отрицательно относился к такой "неверности" их односельчанин старшего поколения из д. Литвиново, Опочецкого р-на: *Полуцыфшы паспорт, будет он жыть ф колхозе!*

В 1958 году в д. Загривье, Сланцевского р-на, удалось записать речь Василия Игнатьевича Копалева, с 1874 года, родившегося, как сам он подчеркивал, при Александре III и пережившего многое за свои 84 года: *Новых начальстваф сколько пережыли! И Сибири хватил. Самое главное — война заставила "попутешествовать". В рассказе Василия Игнатьевича совмещается изящество речи старого человека (Барышню одну ранило в лясу. В 44-м фронт у нас стаял. За Радовелью километр три. От кардона до Радовли километр четыре. Граница была на главных дорогах, а по мху можнь быть. Аскърбления не наводили, не наносили, только ш шуткъм фсё была.) с включением новых слов, освоенных диалектоносителем в военные годы (Укуировали нас в апреле 45-го года. В землянке цэлый гот пробыли. Бункера были зделаны. Так по ступенькам вверх и поднимались.). В рассказе о тяготах войны звучат привычные экспрессивные слова: Мы-ть нечаянно укралися. Нам удалось удрать, а немец нас к Нарове прикладом под задницу гнал. Перяправы нету, мост нарушылся. А мы удрали. Ани нашли нас, три падводы увяли.*

Даже только на примере псковских говоров можно составить представление о том, как слова уходили в пассивный запас или при необходимости возвращались в активное употребление. Так, Ольга Егоровна Егорова, 1887 года рождения, из д. Мельницы, Псковского р-на, в 1965 году рассказывает: *Пирид вайной мы жыли ниплоха. Ситцы стали привазить, ткать ужсы самым не прихадилась. А послы вайны натерпелись мы горя. Сама старая, асталась с внучкай [сына с невесткой враги расстреляли]. Ничовиньки не была. В мяня только набойник, рваное*

полупальто, триушышка сынаф и камашы рваныи. Нада фсё сызнава делать.

15 августа 1945 г. записан рассказ Михаила Ивановича Иванова, 1896 года рождения, из д. Деревницы, Новоржевского р-на: *Ничаво ты-перь ат нашей дярвени ня сталась. В Выбаре был нардом, и читальня, и бальница. Пат школу была пять дамоф. Бальшыя фсё дама, двуятаж-ня. В Выбаре была дамоф окала сямидесяти, и магазины были. Ям-таес был рядом, так и сьтенки фсё взарвали... Дьве цэрквы были — анна дярвяная, анна камяная, немцы сажгли.*

Вынужденное знакомство с другими говорами позволило самим псковичам задуматься над родной речью. 76-летняя Мария Карловна Белова, 1918 года рождения, из д. Кунино, Опочецкого р-на, в 1994 году вспоминает: *Плюшыфка — жакетка ис плюша. А в эвакуации на Урале я не поняла. Мне гаварит адна жэнишына: "Ба, какая баская лопать".³*

Фактически с послевоенного времени при сборе диалектных сведений собирателям пришлось нарушить строгое требование записывать речь не просто от местного жителя, но от проведшего жизнь в родной деревне: ведь на разное время прежде всего война перемещала людей (и псковичей!) к носителям других говоров или даже других языков. И сами диалектоносители подчас могли дать справедливую самооценку своей речи. Так, в 1994 году в одном из южных районов Псковской области женщина объясняет свои некоторые фонетические особенности тем, что в молодости она была партизанкой в Белоруссии; другие информанты вспоминают: *Мы были в Ёстонию ивакуираван немцами* (д. Вальнево, Псковского р-на); *А кагда ослабанили Литву, нас привязли дамоф. В Литвы ч хадила как пастух на очереди* (д. Старухино, Псковского р-на); *Буду помнить, что за птица этот немец* (вспоминает в 1959 году 76-летний Г. Г. Григорьевич Григорьев, побывавший в Австрии в плену).

Объективные судьбы людей и их языка поддержали теоретическое положение Б.А. Ларина о том, что собирать диалектный материал надо от людей разных возрастов: это отразит естественное состояние народной речи. Приходится верить в конечную силу и стойкость родного говора. Ведь и на рубеже XX-XXI веков удается фиксировать и цоканье, и яканье, и даже вид корня с заднеязычным согласным [к] (*контить*)...

И сейчас, а не только сразу по итогам обследования в послевоенный год тех псковских деревень Порховского и Дновского р-нов,

которые прилегают к среднему течению реки Шелони (т.е. составляют старые русские земли, упоминающиеся в Писцовых книгах), кажутся преждевременными выводы М.Д. Мальцева, что “пришелонцы в наше время производят сознательную перестройку своих говоров”.⁴ К такому выводу пришел исследователь на основании того, что появляются новые слова, формы при отсутствии “чистой” архаической речи, так как псковичи говорят, “применяя такие формы, какие теперь оказываются общественно необходимыми, социально сильными”.⁵ Диалектные же черты, вопреки многим пессимистическим прогнозам, оказались стойкими!

И сейчас, по прошествии 60 лет после Великой Победы, поражает размах и энтузиазм работы по собиранию говоров на территории страны сразу после окончания войны: летом 1945 года только в Псковской области, измученной и опаленной войной, было обследовано 48 деревень (11 — в Псковском р-не; 7 — в Островском р-не; 7 — в Пушкиногорском р-не; 6 — в Новоржевском р-не; 5 — в Палкинском р-не; 5 — в Порховском р-не; 4 — в Печерском р-не; 3 — в Пыталовском р-не) под руководством Ленинградского государственного университета (начальником экспедиции была доктор филологических наук А.П. Евгеньева).

За 50 лет, с 1945 года, специально была обследована 1721 деревня из всех нынешних 24 районов Псковской области (многие не по одному разу). Создан богатейший архив и уникальная Картотека Псковского областного словаря, архив Лексического атласа русских народных говоров. Материалы для Псковского областного словаря хранятся в Межкафедральном словарном кабинете имени профессора Б.А. Ларина при С.-Петербургском университете и в Псковском пединституте (ныне университете); материалы для Лексического атласа хранятся в Псковском университете и копии переданы в Институт лингвистических исследований РАН (С.-Петербург). Картотека ПОС содержит несколько миллионов карточек. Это подлинное национальное достояние!

В 1996 году был создан и издан Кадастр (Свод) сведений по изученности псковской народной речи за 50 лет, начиная с 1945 года.⁶ За пределами Кадастра остались архивные материалы, касающиеся тех обследованных районов, которые в настоящее время не входят в состав Псковской области; не учтены материалы, хранящиеся в Институте рус-

ского языка РАН (Москва), в городах Литвы, Голландии, Норвегии и других стран, в личных архивах некоторых диалектологов. Не названы материалы фонотеки — записи на пленку живой псковской народной речи.

Приведенные по районам сведения об изученности псковских говоров за 50 лет, начиная с 1945 года, представляют большой научный интерес для исследователей — диалектологов, историков, социолингвистов, этнолингвистов — и для всех, кому дорога память о родном языке и о людях, носителях этого языка.

На основании проделанной работы по систематизации материала можно быстро найти архивные документы с записью того или иного говора; можно установить, от кого были произведены записи; в известной степени понять источник некоторых диалектных особенностей.⁷

В Кадастре “Достопримечательные природные и историко-культурные объекты Псковской области”, изданном в 1997 году, есть раздел о псковских говорах применительно к каждой из историко-культурных зон Псковской области⁸.

Бескорыстные наши информанты, ставшие единомышленниками диалектологов и щедро дарящие собирателям память слова, тоже оказались верными служителями науки: после войны это были люди, рожденные и в середине XIX века; сейчас это люди в основном рождения XX века; несмотря на многие новшества в условиях жизни, они сохранили специфику народной речи. Поэтому ученые по-прежнему горюются зафиксировать все диалектные особенности, например, в Псковском областном словаре с историческими данными и в виде диалектных лексических карт в составе Лексического атласа русских народных говоров⁹ и в Лексическом атласе Псковской области, над которым тоже ведется работа в Псковском пединституте (педуниверситете).

Благодаря таким трудам, как словари, как атласы, из их цитатного фонда создается облик диалектоносителя: “Современный сельский житель находится на пересечении нескольких культурных сред — региональной и общенародной, сельской и городской, старой и новой”,

пишет О.А. Черепанова¹⁰. Из цитатного материала, например, Псковского областного словаря можно создать любой интертекст на тему войны, который “повествует непосредственно о военных действиях, проходивших на территории Псковской земли, об оккупации, партизанах, причем все это глазами тех, кто непосредственно в военных действиях

не участвовал, глазами мирных жителей, по жизням и судьбам которых танковыми гусеницами прошла война”¹¹: [Война] страшна была, конечно, такое дела. Пл. (ПОС 9: 13¹²) Ня дай бох, если тяперь такое дело падымицца. Пушк. (9: 14) Эта вайна былъ, дикая какая-та, раньше франты были, мирных жителей ни трогали, а в эту вайну все ж жителей били. Кр. (9: 70) Сына с первава ння [войны] взяли ф салдаты. Пушк. (9: 24) Он [сын] ужэ пагип десятьва апреля, а девятьва кончильсь вайна. Стр. (9: 56)

Несмотря на все тяготы человеческой жизни, народный язык сохранился — генетическая память народа, благодаря которой можно узнать о прошлом и настоящем истории, культуры, быта малой человеческой родины, без которой нет большой истории народа.

Примечания

1. К подобной проблеме нам пришлось не раз обращаться и в связи с общим состоянием науки о народной речи (диалектологии), и в связи с псковской народной речью (см., например: Л.Я. Костючук. Война и судьба русской народной речи (состояние и изучение говоров) // Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения. СПб.: Наука, 2005. С. 311-328.).
2. Трубинский В.И. Русская диалектология: Говорит бабушка Марфа, а мы комментируем. СПб.-М., 2004.
3. См.: Костючук Л.Я., Пецкая Т.А. От военной трагедии — к изучению народного слова // Научно-практический, историко-краеведческий журнал “Псков”, 1995, № 3. С. 169-176.
4. Мальцев М.Д. О некоторых говорах Дновского и Порховского районов Псковской области // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 69. Кафедра русского языка. Л., 1948. С. 242.
5. Там же. С. 226.
6. Псковские говоры и их носители (сведения об изученности псковской народной речи с 1945 г.). Псков, 1996.
7. Там же. С. 11.
8. Кадастр “Достопримечательные природные и историко-культурные объекты Псковской области”. Псков, 1997.
9. Лексический атлас русских народных говоров. Пробный выпуск / Отв. ред. И.А. Попов, Т.И. Вендина. СПб.: Наука, 2004.
10. Черепанова О.А. Цитатный фонд словаря как форма вербализации общенационального и регионального сознания. (Цитатный фонд Псковского областного словаря)

как текст.) // Псков в российской и европейской истории: Международная научная конференция. В 2-х тт. Т. 2. М.: МГУП, 2003. С. 235.

11. Там же. С. 238.

12. *Псковский* областной словарь с историческими данными. Вып. 1-16. Л. (СПб.), 1967-2004. (Районы даны в соответствии с принятыми сокращениями; указывается выпуск и страница.)